

— Да он, может, вообще стейки режет да вкусняшки лопаает, а иногда и голодает. А я тут из-за того, что он всего лишь день не поел, уже всякие мысли думаю, — пробормотал Ын Юль, хлопнув себя по лбу и скользнув взглядом на миску.

От еды оставался только бульон, а по тому, как тот ел ложкой, было видно — мало. Вздохнув, Ын Юль вытащил из кармана фартука кое-что и протянул:

— На, если мало, подмешай.

— Говорил же, риса нет.

— Это бабушка меня научила: есть — делай вид, что нет, нет — делай вид, что есть.

— Врать ты умеешь.

— А как иначе? Мир жестокий, если только правдой жить, долго не протянешь. И врать приходится, и унижаться тоже. Иначе не выживешь.

— Понятно... так вот оно как, — протянул Хан Джун.

Не нравился ему этот протянутый тон, поэтому Ын Юль нахмурился и сунул ему миску. Тот, усмехнувшись, взял. Несколько секунд не клал в суп, просто держа в руках, потому что рис был тёплый.

— Я знаю, к рамену обычно идёт холодный рис, но бабушка никогда не оставляет холодного. — Когда взгляды их встретились, Ын Юль тут же отвёл глаза. — Говорит, даже остывший рис должен оставаться тёплым. Так что ешьте, даже если невкусно.

Только после этих слов Хан Джун стал мешать рис с супом. А Ын Юль достал ещё из другого кармана маленький контейнер и протянул:

— Пахучий лук-кимчи... попробуйте — не забудете.

Хан Джун без споров добавил и это. Ын Юль злорадно сверкнул глазами: «Вот теперь во рту запах лука засел, даже после чистки зубов не выветрится. Пусть попробует проклятие кимчи!»

Не подозревая о его коварных мыслях, Хан Джун вычистил все миски до блеска.

— Если доели — ступайте, — сказал Ын Юль, унося поднос с посудой на кухню.

Взгляд Хан Джуна скользнул за ним. Пора уходить. Он поднялся, но вдруг почувствовал на

себе чей-то взгляд. Повернувшись, заметил в щели приоткрытой двери морщинистые глаза старушки, пристально наблюдающие за ним. В том взгляде было ощущение, будто она всё знала, даже то, что он догадался о личности Ын Юля. Хан Джун слегка поклонился и вышел.

— Ах да, бабушка! — в этот момент, моющий посуду Ын Юль, встрепенулся. Он совсем забыл и про Лим Бон Су, и про Ха Ныль.

Сдёрнув перчатки, поспешил в комнату, но по пути остановился: на столе, где сидел Хан Джун, лежало что-то чужое. Бумага, сложенная пополам, и визитка между страниц.

— Это что ещё? — Он поднял. — Ну ладно, деньги я не беру, но что за бумажки? Нельзя было просто уйти?

С недовольным ворчанием развернул лист. Видимо, тот специально оставил, чтобы он прочёл.

— Адрес, что ли? — пробормотал он.

Иначе и не объяснишь. Покачав головой, бросил бумагу на кассу: «Да ну, всё равно я туда не пойду. А визитка — тем более не нужна».

— Бабушка.

— Тс-с. — Лим Бон Су приоткрыла дверь и приложила палец к губам.

— Ха Ныль спит? — сразу шёпотом уточнил Ын Юль.

— Ждал, ждал да и уснул.

Ха Ныль, положив голову ей на колени, спал с лёгким сопением. Ын Юль невольно улыбнулся — волновался, что ребёнок никак не засыпает в последнее время, а тут всё само наладилось.

— Спасибо вам, бабушка. — Он присел рядом.

— Это что ж ты мне такое говоришь?

— А я что? — растерялся Ын Юль.

Он хотел лишь поблагодарить, а она ухватилась за это.

— Я ж тебе всю жизнь помогала, а ты ещё и про бульон ворчишь.

— Бульон... — он замялся.

— Старуха я уже, тяжело кастрюли таскать. Ты сам варить должен, а не воображать, что твой особенный. Будь мне лет на тридцать меньше — и твой бы мне не нужен был.

— Понял, теперь сам буду варить.

— А молодую редьку кто будет солить?

— Я сделаю.

Он низко поклонился. После того, как она о Ха Ныля позаботилась, такие мелочи и в счёт не идут.

— А с тем парнем что?

— И это сделаю.

— ...

— А... если вы про Хан Джуна, то... что уж тут. Я сказал ему не приходить, а он всё равно приходит.

— Спрятаться хотел, чуть ли не в землю зарылся, а теперь...

— Это я так?

— Ты же думал: голову спрятал — и всё. Бегал от него.

— Ну... — отпираться было бессмысленно.

Он и сам понимал, что тогда действовал нелепо. Даже Ха Ныля старался скрывать любой ценой, но оставлял его в месте, куда запросто мог заявиться чужак. И сейчас знал: даже если Хан Джун пока не узнал, рано или поздно догадается.

— Я и сам знаю, что выгляжу жалко. Но бежать не хочу. — В её молчании он почувствовал, что она слушает, и продолжил: — Да, я неуклюжий, беззащитный, может, хоть завтра он спросит прямо: «Ты Сон Ын Юль?» Но если я сбегу, то и Ха Ныль всю жизнь будет бежать.

Он улыбнулся.

— А ведь Ха Нылю здесь нравится: садик, друзья. Потом в школу пойдёт рядом с ними. А если уедем — что? Один раз ещё можно рискнуть, но всю жизнь так? Нет уж, я не хочу в страхе жить.

Он потянулся, будто сбросил груз.

— Всё равно вы нас защитите. Пусть даже узнает — Ха Ныля он не заберёт. Я ему так и скажу: живи своей жизнью, а я своей.

— Скажешь тоже...

— Я смогу. Знаете, почему я сегодня напротив него сел? Потому что он не узнал меня. Это даже весело. Я ведь такой, люблю адреналин. Ну и ещё, чтобы не трястись без конца.

— Дурень, — пробормотала Лим Бон Су.

А Ын Юль, не расслышав, уже радостно поднялся:

— Ну что, пойду дособирую. Ха Ныля сегодня тут уложу.

— Делай как хочешь.

— Вот здорово, втроём с бабушкой, как раньше. — Насвистывая, он пошёл за ингредиентами для бульона.

Лим Бон Су тихо погладила спящего ребёнка по голове:

— Мир, мальчик, не такой, как тебе кажется.

Гул мотора, и возле забегаловки остановился спортивный автомобиль. Из него вышел мужчина в чёрных солнцезащитных очках. Осмотревшись, он замер у вывески.

Нам Гун Хёк, узнав, где скрывается Сон Ын Юль, примчался без промедления.

— Значит, вот где ты... — губы растянулись в хищной улыбке. — Я-то думал, спрячешься, как беглец, а ты башкой вертишь хитро...

«Что ж, пять лет прошло. Самое время для радостной встречи».

Он шагнул в зал, но, едва войдя, почувствовал тепло и запах похмельного супа. Очки запотели, и он остановился.

— Добро пожаловать! — раздался звонкий голос.

«Человек... витамин?»

В голове всплыло, как когда-то один парень называл свою девушку «витамином». Тогда Хёк усмехнулся: «Чушь собачья, деревенщина». Но почему же именно это слово всплыло сейчас?

Он приподнял очки. Перед ним уже сиял улыбкой парень.

— Вы один? Вон там есть столик, хотите присесть?

— Вот это да...

«Это... Сон Ын Юль?!»

— Это ведь тот самый, который, когда издевались над Хён Чжэ Ха, надрывался, крича во всё горло?

— Клиент? — Сон Ын Юль помахал рукой перед глазами Нам Гун Хёка, который так и стоял неподвижно.

<http://bllate.org/book/14449/1277813>